

— Ху Фэн издал яростный рев, больше не заботясь об экономии патронов, и зажатый в его руках М60 безумно изрыгал огонь, поливая свинцом нескольких инородцев, которые пытались ринуться вперед, заставляя их испускать непрерывные пронзительные вопли.

— Мелкие ублюдки, идите сюда, дядя составит вам компанию!

— Отец вас не боится, если есть кишка — валите все разом!

Огневая мощь внезапно возросла: бойцы арьергарда следом за Ху Фэном вели безумную стрельбу, изо всех сил стараясь сделать так, чтобы инородцы не могли отвлечься на другую сторону прорыва.

Южные ворота были прорваны первыми, оттуда хлынул самый большой поток инородцев. Оружейный склад находился на севере, и по пути от оборонительных сооружений до арсенала число инородцев было невеликим. Весь прорывающийся отряд выстроился в форме наконечника копья: Ху Кэ был острием, а Старый Дракон Яда замыкал шествие. Судя по плотности выстрелов и взрывов, прорыв шел относительно гладко, без чрезмерных потерь личного состава. И хотя в оставшемся для сопротивления отряде людей стало вдвое меньше, огневая мощь, напротив, возросла — правда, ценой колоссального расхода боеприпасов.

Именно в этот момент Шэнь Лан заметил, что Гуй Ли пришел в движение.

Быстр как демон, стремителен как пожар — такие слова пронеслись в голове у Шэнь Лана.

Словно в одно мгновение ока, Гуй Ли долетел до переднего края оборонительных сооружений. Его рывок тут же привлек к себе град пуль: со всех сторон по нему открыли огонь, высекая из фигуры Гуй Ли снопы искр. Бесчисленные пули, гранаты и стальные шарики взрывались или отскакивали от него, словно лопающиеся горошины. На миг Гуй Ли превратился в объятый пламенем демона, пришедшего из самого ада: лишь смутная дымка окружала клубящееся буйство огня.

В оглушающем грохоте выстрелов и взрывов звон в ушах Шэнь Лана, казалось, даже стих. Шэнь Лан про себя молил, чтобы эта яростная огневая мощь лишила Гуй Ли боеспособности.

Но на сей раз боги, похоже, вновь проигнорировали мольбы Шэнь Лана: смутная фигура единым броском взметнулась к окопу и ударом ладони, словно спелый арбуз, размозжила голову стоявшему впереди бойца. Брызги крови оросили Гуй Ли с ног до головы, после чего тот прыжком ворвался внутрь кольца обороны.

Теперь стало наконец понятно, как были прорваны Южные ворота. Кто бы ни дал этому существу имя Гуй Ли, оставалось лишь признать, что оно подходит идеально; человек, придумавший его, очевидно, тоже повидал на своем веку ужас, который несет Гуй Ли. Сердце Шэнь Лана захлестнуло чувство полного бессилия — подобное чудовище было просто не в силах остановить человеку.

Мучительная смерть товарища пробудила в бойцах ярость. Стоявший ближе всех боец сорвал чеку с наступательной гранаты и с диким криком бросился прямо в объятия Гуй Ли. Когда рассеялось облако порохового дыма, тело Гуй Ли сплошь покрывали кровь и ошметки мяса, а на нескольких выступавших наружу зубьях и костяных лезвиях висели клочья человеческих кишок и обрывки внутренних органов. В свете фар они отсвечивали зловещим холодным блеском, вылитый демон-асура, только что выбравшийся из преисподней.

Гуй Ли словно шел по ничейной земле, в гуще свинцового ливня собирая жатву человеческих жизней. Человеческая плоть в его руках казалась хрупкой, как бумага: стоило ему сделать движение, как живые, полные сил тела разрывались на части, обрывались дорогие жизни, а знакомые имена превращались в череду бессмысленных символов.

Оборона рухнула в одно мгновение, и вслед за ним в окопы хлынул целый поток инородцев. Вздывавшиеся к небу багровые туманы крови смешивались с падающими хлопьями чистейшего снега. Повсюду валялись разбросанные внутренности и оторванные конечности; удушающий запах крови и пестрые пятна на белом снегу заставили у всех перед глазами покраснеть от ярости. Те, кто остался в арьергарде, изначально шли на смерть, а испив до дна весь ужас Гуй Ли на нулевой дистанции, они окончательно похоронили последнюю надежду на выживание. Схватка превратилась в ближний бой. Люди один за другим срывали чеку с гранат или, зажав в охапку заряды взрывчатки, бросались на инородцев, пытаясь утащить тех за собой в могилу; кто-то даже пытался сойтись с тварями врукопашную, пуская в ход штыки или боевые ножи, но это лишь безнадежно высекало искры из шкур чудовищ.

В разгар этой мясорубки Шэнь Лан заметил Чжао Балоу: его тело было сплошь увешано гранатами, а в шее зияла кровавая дыра. Он, казалось, безумно хохотал, но из его горла вырывалось лишь сипение, похожее на сдувающийся воздушный шар, после чего он стремглав бросился в самую гущу инородцев.

Среди толпы Шэнь Лан выхватил взглядом Ху Фэна. Тот по-прежнему держал свой М60 и, изрыгая пламя и выкрикивая ругательства, поливал Гуй Ли свинцом. Очередь пуль, скрикошетивших от тела Гуй Ли, наконец привлекла к себе его внимание, и чудовище мгновенно перевело прицел на новую жертву.

Фигура Гуй Ли с невероятной скоростью метнулась к Ху Фэну. Тот не уклонился, не отступил — наоборот, без малейших колебаний бросился навстречу. Ху Фэн был ростом почти метр девяносто и возвышался над Гуй Ли едва ли не на голову. В момент столкновения эта массивная фигура вдруг словно выросла еще почти на метр: одна рука Гуй Ли пронзила грудь Ху Фэна, вскинув его высоко над землей, так что половина окровавленной ладони жутко торчала у него из спины. Тело Ху Фэна повисло в воздухе, горло было забито кровавой пеной и уже не могло издать ни звука, но зажатый в руках пулемет продолжал грохотать. Пули, попадая в Гуй Ли, рикошетили обратно и били по ногам, рукам и телу самого Ху Фэна, превратив его в решето. Алая жидкость фонтаном расплескалась вокруг, окрасив снег в красный цвет. Огромное тело Ху Фэна повисло в воздухе, словно обломанный осенний лист, и все никак не падало.

Здоровый амбал с обнаженным до пояса торсом с разбегу налетел сзади и вцепился в Гуй Ли, отчаянно нанося удары боевым ножом ему в горло. Гуй Ли выкроил одну руку, сзади схватил

амбала за шею и голыми руками свернул тому голову. Лысая голова покатила по снегу, оставляя за собой красный след, а глаза Лысого так и остались широко раскрытыми — смерть застала его врасплох. Безголовое тело по-прежнему мертвой хваткой цеплялось за Гуй Ли.

Гуй Ли небрежно швырнул прочь труп Ху Фэна, а затем сбросил со спины безголовое тело Лысого. Его фигура отливала ледяным блеском, который в свете прожекторов казался жутковато-соблазнительным; шипы на теле были увешаны обрывками мяса и капали кровью — вылитый бог смерти, сошедший с небес ради жатвы, только живот его слегка выпирал, что выглядело несколько неестественно.

Все вокруг обезумели. Люди с диким криком бросались на инородцев, вступая в рукопашную схватку, пуская в ход кинжалы, ногти, зубы. Четырехглазый тоже обезумел: вскочив на ноги и вскинув автомат, он бросился на Гуй Ли, издавая хрипящие звуки. Шэнь Лан почувствовал, как в жилах закипает вся кровь: так или иначе, а смерть стояла за каждым углом, так чего терять — была не была! Вслед за Четырехглазым он тоже сорвался с места: в одной руке оружие, в другой — зажатый на бедре армейский стилет, и вперед, на Гуй Ли.

Не успел он промчаться и пары шагов, как Шэнь Лан увидел, что тело Четырехглазого стремительно летит прямо на него, с каждой секундой увеличиваясь в размерах. Уклониться уже не было времени: раздался глухой удар, грудь пронзила дикая боль, и его собственное тело, отброшенное назад, взмыло в воздух. Приземчившись, он покатился кубарем, из рта фонтаном хлынули кровь вперемешку с рвотой, и после этого он потерял сознание.

Непревзойденное перерождение — Глава 8

Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем Шэнь Лан медленно пришел в себя. Во рту стоял тошнотворный привкус тухлятины, выстрелы снаружи доносились урывками, словно всё это происходило где-то очень далеко. Раскрыв глаза, он не увидел вокруг инородцев — только тела погибших. Четырехглазый лежал ничком рядом с ним, и было непонятно, жив он или мертв. Голова раскалывалась на части, словно собираясь треснуть пополам. Проведя рукой по лицу, он нащупал сплошную липкую массу крови, а при каждом вздохе в груди отдавалась острая боль — судя по всему, было сломано несколько ребер.

Звуки стрельбы доносились со стороны оружейного склада, на некотором расстоянии от его позиции. Превозмогая жгучую боль, Шэнь Лан подполз к Четырехглазому и проверил его: дыхание оказалось ровным, судя по всему, ничего страшного не произошло, он просто отключился. Очки Четырехглазого куда-то подевались, но на теле не было видно никаких серьезных ран. Шэнь Лан осторожно ощупал собственную голову: на лбу красовалась кровоточащая борозда — видимо, оборвался обо что-то при падении. Похоже, он сыграл роль живого щита, смягчив падение для Четырехглазого и приняв на себя почти всю силу удара. Именно благодаря этому Четырехглазый отделался столкновением с Гуй Ли и до сих пор оставался жив и относительно цел.

Вдруг Шэнь Лан заметил, что всего в дюжине метров от них находится его собственное убежище — круглосуточный банк самообслуживания. В сердце Шэнь Лана вспыхнула искра надежды: превозмогая страшную боль в груди, из последних сил вцепившись в Четырехглазого,

он потащил его в сторону банковского отделения. Хорошо еще, что в Четырехглазом и трех литров весу не было, иначе он просто не представлял, как бы его сдвинул. Каждое движение сопровождалось кашлем с кровью, он продвигался буквально по шагу за раз. Израсходовав практически весь запас сил, Шэнь Лан наконец преодолел этот десяток метров и добрался до банкомата, стоявшего в маленькой комнатушке. Раньше, когда они с Четырехглазым двигали этот аппарат, он казался тяжеловатым, но теперь каждое усилие отзывалось в груди так, будто сломанные ребра насквозь пронзали его внутренности. Кое-как, балансируя на грани жизни и смерти, оттолкнув банкомат и затащив Четырехглазого в крошечную кладовку, Шэнь Лан рухнул следом. У него уже не осталось сил вернуть банкомат на место, и он провалился в беспамятство.

Сколько прошло времени, Шэнь Лан не знал. Очнувшись, он услышал глухие шаги снаружи — быстрые, беспорядочные и до боли знакомые шаги инородцев. Банкомат у входа в тайник уже был сдвинут обратно, и лишь сквозь узкую щель пробивалась тонкая полоска света. В груди вновь полыхнуло болью, и он невольно простонал.

— Тихо ты, — раздался голос Четырехглазого. Тот уже пришел в себя.

Шаги снаружи постепенно затихли вдаль. Четырехглазый на ощупь проверил грудь Шэнь Лана, и от очередного приступа боли тот едва снова не потерял сознание.

— Сломано два ребра, — негромко произнес Четырехглазый. — Обломки не торчат, смещения нет, жить будешь. Если не начнется инфекция или осложнения, скоро заживёт.

— Братишка, я перед тобой в долгу, — неожиданно серьезно сказал Четырехглазый.

— Сначала доживи до сегодняшнего вечера, — короткая фраза потревожила рану, заставив Шэнь Лана скривиться от боли.

Больше он ничего не говорил, сосредоточенно прислушиваясь к тому, что происходит снаружи. Вокруг царила мертвая тишина — были слышны лишь стрекот насекомых в углу да шуршание снующих крыс. В нос бил едкий запах сырости — так пахнут разлагающиеся и преющие бумажные купюры. Сколько времени прошло в таком тягостном ожидании, сказать было трудно: больше не раздавалось ни единого выстрела, ни звука шагов.

Впервые за всё время ухо Шэнь Лана не уловило стука молота Старика Лао Чжао, пунктуального, как будильник. В томительном ожидании Шэнь Лан и Четырехглазый встретили сквозь щель входа первые лучи солнца нового дня.

В лучах этого света Шэнь Лан заметил, что пыль на полу под Четырехглазым оказалась стерта, обнажая тусклый желтоватый блеск. Присмотревшись ближе, он с удивлением увидел аккуратно сложенную стопку золотых слитков. Подняв один тяжелый слиток и разглядев его на свету, он убедился: перед ним самое настоящее чистейшее золото, на котором отчетливо виднелась маркировка 999.9 FINE GOLD и клеймо какого-то банка.

Шэнь Лан не мог придумать ни единого применения золотым слиткам в этом месте, и его пробило на горькую усмешку: подумать только, дожит ли он до дня, когда будет смотреть на тяжелое золото как на презренный мусор.

Шэнь Лан и Четырехглазый прождали еще около часа, убедившись, что никаких звуков присутствия инородцев больше не слышно, после чего Четырехглазый осторожно оттолкнул банкомат и выглянул наружу. После темноты тайника дневной свет показался ослепительно ярким. Спустя мгновение Четырехглазый подал знак, что всё чисто, и выбрался через лаз наружу.

— Безопасно, — оглядевшись, произнес Четырехглазый и принялся вытаскивать Шэнь Лана. Тайник находился примерно на полметра ниже уровня пола снаружи, и преодоление этого перепада вновь причинило Шэнь Лану адскую боль, но в конце концов они кое-как вытащили его целиком.

Снег прекратился, с востока поднималось солнце, и зимние лучи приятно согревали кожу. Витавший в воздухе запах крови напоминал о только что отгремевшей здесь жестокой бойне; в углублениях снега скопились лужи багровой воды, пропитавшей сугробы насквозь так, что ступить было некуда — стоило наступить, и подошвы тут же окрашивались в красный цвет.

Печь в соседней кузне была опрокинута на землю, огонь из нее поджег всё, что могло гореть, превратив мастерскую в обугленные руины, а Старик Лао Чжао бесследно исчез.

Повсюду валялись разорванные человеческие внутренности и останки инородцев; на некоторых телах виднелись следы от укусов. Отыскать хотя бы одно целое тело не представлялось возможным, и весь лагерь напоминал филиал ада на земле. Товарищи и братья, с которыми они еще вчера жили, воевали и вместе смеялись или ругались, в одно мгновение превратились в груды кровавого мяса на земле.

Трупы людей и инородцев переплелись в единую жуткую массу. Прочные, словно сталь, тела инородцев тоже были разорваны мощной огневой мощью на части, и теперь мертвецы лежали вперемешку, слившись в неразделимое целое.

Четырехглазый поддерживал Шэнь Лана, и они медленно двинулись к оружейному складу — это было единственное место в лагере, где еще могли оставаться выжившие. В памяти Шэнь Лана невольно всплыл образ Ху Кэ: ее каштановые, коротко стриженные деловые волосы, миловидное личико... неужели эта вечно холодная девчонка тоже пал жертвой чудовищ? Шэнь Лан не смел продолжать эти мысли.

Проходя мимо убежища, Шэнь Лан заметил тело Лю Ци. Тот лежал прямо у входа, от его тела осталась лишь половина, а одна рука вместе с плечом была обглодана до костей. Рядом с ним валялось еще несколько изуродованных тел бойцов, отвечавших вместе с ним за защиту некомбатантов — женщин и детей. Среди них отчетливо выделялось тело Дуршлага: его пальцы судорожно сжимали оружие, а черные глаза на молодом лице все так же широко глядели вперед, утратив лишь всякий блеск.

Шэнь Лан и Четырехглазый ускорили шаг до входа в убежище, заглянули внутрь и тут же едва не вывернули желудки от подступившей тошноты, мгновенно расставшись с мыслями отыскать здесь хоть кого-то живого. Кровавые лужи изнутри выплескивались прямо на порог, а тела женщин и детей были набиты в тесное помещение, словно выброшенные игрушки. Никаких выживших, никаких раненых — одни мертвецы. Шэнь Лан больше не мог на это смотреть и, позволив Четырехглазому поддержать себя, отвернулся и зашагал прочь. Развернувшись, он отчетливо ощутил, как теплые слезы каплют ему на руку.

Непревзойденное перерождение — Глава 9

Дорога к оружейному складу была усеяна десятком тел, но Шэнь Лан не останавливался, чтобы разглядывать их, и поспешил дальше. Тяжелая дверь арсенала была сорвана с петель, а проход кто-то временно забаррикадировал разбитым старым автомобилем. Перед машиной и прямо на ней лежали десятки трупов — человеческих и чудовищных.

Сердце Шэнь Лана замерло от дурного предчувствия. Быстро пересчитав тела, он насчитал восемнадцать человеческих трупов, среди которых Ху Кэ не было. Шэнь Лан помнил, что с Ху Кэ на прорыв шло около сорока-пятидесяти человек. Учитывая погибших по дороге и эти восемнадцать тел, оставалось еще с надеждой думать о полутора десятках выживших. Искра надежды вновь затеплилась в сердцах Шэнь Лана и Четырехглазого.

— Есть кто живой? — громко крикнул Четырехглазый.

В ответ разнеслось лишь эхо.

— Кто здесь? Снаружи кто-то есть? — спустя какое-то время откликнулся голос изнутри.

Действительно, там были выжившие! Четырехглазый и Шэнь Лан безумно обрадовались. Шэнь Лан было открыл рот, чтобы ответить во весь голос, но тут же схватился за грудь от резкой боли: он вспомнил о сломанных ребрах, и что любое резкое движение могло проткнуть легкие.

— Это Четырехглазый, и Шэнь Лан. Кто там внутри? — крикнул Четырехглазый, принимаясь растаскивать тела с капота и крыши машины, чтобы отодвинуть ее от входа.

Изнутри слышались торопливые шаги, и наружу выскочили двое. За спиной одного из них висел большой тесак — это был Чжао Балоу. На его лице больше не осталось и следа застенчивости, сменившись маской из запекшейся крови и копоти. Вторым оказался А Фэй, парень примерно того же возраста. Оба были с ног до головы испачканы кровью и покрыты ранами, но, к счастью, это были лишь порезы и царапины, не задевшие жизненно важных органов.

— Сяо Фэй, Балоу, вы живы! Как здорово! Кто еще там внутри? — нетерпеливо спросил Четырехглазый. — Живо помогите отодвинуть машину!

Втроем они поднажали и понемногу оттащили автомобиль от входа. Шэнь Лан мог лишь сгорать от нетерпения в стороне.

— Еще Ху Кэ, Старый Бессмертный и дядя Дракон.

Ху Кэ жива! В груди Шэнь Лана всколыхнулась волна необузданной радости. Едва в завале образовался просвет, Шэнь Лан и Четырехглазый первыми протиснулись внутрь.

Чжао Балоу и А Фэй шли впереди, Шэнь Лан с Четырехглазым — следом, и все четверо направились в самый дальний угол оружейного склада. Как рассказали по дороге Балоу и А Фэй, Старый Дракон Яда был тяжело ранен и, казалось, при смерти. Внутри склада валялось еще с десятков трупов людей и инородцев, причем тел чудовищ было значительно больше, что красноречиво говорило о ожесточенности обороны. В самом дальнем углу поперек узкого прохода лежал металлический стеллаж, некогда предназначавшийся для развешивания оружия; именно он послужил последним рубежом обороны для Ху Кэ и остальных, и выжившие были обязаны своей жизнью этому стеллажу.

Тяжелая железная конструкция была изуродована: посередине зияли два огромных пролома, пробитых когтями инородцев. За этим стеллажом и укрылись Ху Кэ, Старый Бессмертный и Старый Дракон Яда.

Увидев, что Шэнь Лан и Четырехглазый живы, Ху Кэ удивилась, но это было единственное проявление эмоций на ее лице. Шэнь Лан не заметил там и намека на радость, отчего на душе вновь стало немного тоскливо.

Зато Старый Бессмертный выглядел вне себя от счастья. Он был ростом выше среднего, наполовину арабского происхождения, с бородой длиннее волос. Несмотря на то, что шевелюра и борода Старого Бессмертного поседелі рано, на вид ему едва перевалило за сорок, и он был постоянным запевалой в любых боевых стычках. Старый Бессмертный отличался буйным нравом: он лез в самую гущу опасности на любом поле боя и тем не менее умудрялся выживать в бесчисленных столкновениях с мутантами и инородцами, причем не раз выходил сухим из воды в критических ситуациях — отсюда и прозвище. Бесчисленные шрамы на теле служили лучшей наградой для этого мужчины.

— Как вам удалось выжить? — спросил Старый Бессмертный, но, не дождавшись ответа, его лицо омрачилось. — Старому Дракону конец.

Старый Дракон Яда лежал на руках у Старого Бессмертного, едва дыша. Руки его были залиты кровью, но смертельным оказалось ранение в живот — инородцы распоролі ему брюшину, а его единственный оставшийся глаз уже потускнел. Вошедшие Балоу и Сяо Фэй уже успели упомянуть, что Старый Дракон получил ранение, спасая Старого Бессмертного. В эпоху, когда не было ни нормальных противовоспалительных средств, ни возможности сделать переливание крови, подобная рана была смертельной.

На правой щеке Ху Кэ красовался жуткий порез, тянувшийся до самой ключицы; кожа на ране

вывернулась наружу. Казалось, сделай нападавший удар хоть на миллиметр глубже, и он бы перерезал ей сонную артерию.

Ху Кэ, казалось, вовсе не замечала собственных ран — она как раз пыталась наложить бинты на живот Старого Дракона Яда. Тот слабым жестом остановил ее и проговорил еле слышно:

— Бесполезно, не трать впустую. — Переведя дыхание, он продолжил: — В лагере... остались только вы?

Шэнь Лан и Четырехглазый кивнули. Старый Дракон Яда тяжело вздохнул:

— Эх, этот день всё же настал.

Вокруг воцарилась тишина. В глубине души каждый прекрасно понимал, что подобный исход был неизбежен. Враг оказался слишком силен, а средства противостояния инородцам у лагеря — слишком ограничены. Производить собственное оружие лагерь не мог, каждая полочка означала минус одну единицу вооружения, а хуже всего то, что расходники вроде патронов не восполнялись: каждый выстрел уменьшал их запас. Именно поэтому Ху Фэн и поднял вопрос об опасной вылазке за припасами в лагерь Серых Медведей. Не говоря уже о таком безумно сильном чудовище, как Гуй Ли. По неизвестным причинам Гуй Ли не принял участия в последней обороне оружейного склада, и это стало главной причиной, почему Ху Кэ и остальные смогли выжить.

Дыхание Старого Дракона Яда стало участиться, лицо бледнело — потеря крови неумолимо уносила его жизнь.

Старый Бессмертный легко похлопал его по груди. Старый Дракон сделал пару глубоких вдохов, пытаясь выровнять дыхание, и с трудом выдавил:

— Здесь...

<http://bllate.org/book/21118/2142787>